

Канитель

На клиросе стоит дьячок Отлукавин и держит между вытянутыми жирными пальцами огрызенное гусиное перо. Маленький лоб его собрался в морщины, на носу играют пятна всех цветов, начиная от розового и кончая темно-синим. Перед ним на рыжем переплете Цветной триоди лежат две бумажки. На одной из них написано о здравии, на другой за упокой, и под обоими заглавиями по ряду имен... Около клироса стоит маленькая старушонка с озабоченным лицом и с котомкой на спине. Она задумалась.

Дальше кого? спрашивает дьячок, лениво почесывая за ухом. Скорей, убогая, думай, а то мне некогда. Сейчас часы читать стану.

Сейчас, батюшка... Ну, пиши... О здравии рабов божиих: Андрея и Дарьи со чады... Митрия, опять Андрея, Антипа, Марьи...

Постой, не шибко... Не за зайцем скачешь, успеешь.

Написал Марию? Ну, таперя Кирилла, Гордея, младенца новопреставленного Герасима, Пантелея... Записал усопшего Пантелея?

Постой... Пантелей помер?

Помер... вздыхает старуха.

Так как же ты велишь о здравии записывать? сердится дьячок, зачеркивая Пантелея и перенося его на другую бумажку. Вот тоже еще... Ты говори толком, а не путай. Кого еще за упокой?

За упокой? Сейчас... постой... Ну, пиши... Ивана, Авдотью, еще Дарью, Егора... Запиши... воина Захара... Как пошел на службу в четвертом годе, так с той поры и не слышать...

Стало быть, он помер?

А кто ж его знает? Может, помер, а может, и жив... Ты пиши...

Куда же я его запишу? Ежели, скажем, помер, то за упокой, коли жив, то о здравии... Пойми вот вашего брата!

Гм!.. Ты, родименький, его на обе записочки запиши, а там видно будет. Да ему всё равно, как его ни записывай: непутящий человек... пропащий...

Записал? Таперя за упокой Марка, Левонтия, Арину... ну, и Кузьму с Анной... болящую Федосью...

Болящую-то Федосью за упокой? Тю!

Это меня-то за упокой? Ошалел, что ли?

Тьфу! Ты, кочерыжка, меня запутала! Не померла еще, так и говори, что не померла, а нечего в за упокой лезть! Путаешь тут! Изволь вот теперь Федосью херить и в другое место писать... всю бумагу изгадил! Ну, слушай, я тебе прочту... О здравии Андрея, Дарьи со чады, паки Андрея, Антипия, Марии,

Кирилла, новопреставленного младенца Гер... Пстой, как же сюда этот Герасим попал? Новопреставленный, и вдруг о здравии! Нет, запутала ты меня, убогая! Бог с тобой, совсем запутала!

Дьячок крутит головой, зачеркивает Герасима и переносит его в заупокойный отдел.

Слушай! О здравии Марии, Кирилла, воина Захарии... Кого еще?

Авдотью записал?

Авдотью? Гм... Авдотью... Евдокию... пересматривает дьячок обе бумажки.

Помню, записывал ее, а теперь шут ее знает... никак не найдешь... Вот она! За упокой записана!

Авдотью-то за упокой? удивляется старуха. Году еще нет, как замуж вышла, а ты на нее уж смерть накликаешь!.. Сам вот, сердешный, путаешь, а на меня злобишься. Ты с молитвой пиши, а коли будешь в сердце злобу иметь, то бесу радость. Это тебя бес хороводит да путает...

Пстой, не мешай...

Дьячок хмурится и, подумав, медленно зачеркивает на заупокойном листе Авдотью. Перо на букве д взвизгивает и дает большую кляксу. Дьячок конфузится и чешет затылок.

Авдотью, стало быть, долой отсюда... бормочет он смущенно, а записать ее туда... Так? Пстой... Ежели ее туда, то будет о здравии, ежели же сюда, то за упокой... Совсем запутала баба! И этот еще воин Захария встрял сюда... Шут его принес... Ничего не разберу! Надо сызнова...

Дьячок лезет в шкафчик и достает оттуда осьмушку чистой бумаги.

Выкинь Захарию, коли так... говорит старуха. Уж бог с ним, выкинь...

Молчи!

Дьячок макает медленно перо и списывает с обеих бумажек имена на новый листок.

Я их всех гуртом запишу, говорит он, а ты неси к отцу дьякону... Пущай дьякон разберет, кто здесь живой, кто мертвый; он в семинарии обучался, а я этих самых делов... хоть убей, ничего не понимаю.

Старуха берет бумажку, подает дьячку старинные полторы копейки и семенит к алтарю.